

Парфянская баллада / повесть

Category: Kitapcy, Taryhy proza

написано kitapcy | 22 января, 2025

Парфянская баллада / повесть ПАРФЯНСКАЯ БАЛЛАДА

«Муж Азат-Сарв ученый в Мерве жил...

О предках славных записи хранил.

Я их прочел и здесь перескажу,

Но зданье слов по-своему сложу».

Фирдоуси

«От женщины, которая прочтет предание о Вис и Рамине,
целомудрия не ждите!»

Убайд Закони.

«Базар смеется над дворцом».

Орбели.

● НАЧАЛО РАССКАЗА О ВИС И РАМИНЕ

«Луне подобен шах был, а вельможи

Казались на созвездия похожи...»

Гургани, «Вис и Рамин»

Да, шаханшах Мубад был авторитетный государь. Муж и витязи, которые съехались к нему с четырех сторон света, были бронзовотелые и слоноподобные, а женщины – скромные и луноликие.

Дело было летом, и Мубад приказал расстелить ковры и кошмы прямо на берегу арыка, текущего через большой царский сад. За день перед этим слуги расчистили широкую площадку и обмазали ее хорошей мервской глиной с саманом, чтобы гостям было гладко сидеть.

Пир начался вечером, когда громадное мервское солнце растворилось в песках, а тонкая мервская пыль начала медленно опускаться на плоские крыши благословенного города. В это время воздух в Мерве пахнет сушеными дынями – бахрман и

пушистой шапталой – сдавленными с двух сторон медовыми персиками.

Гости расселись в определенном порядке: мужи и витязи на левой стороне площадки, женщины – на правой, хоть и происходило это задолго до рождения Пророка, определившего женщине ее место. Просто так было удобней и мужчинам, и женщинам. Главное для человека – не чувствовать себя стесненным.

Слуги расстелили на коврах чистое синее полотно, расставили высокие узкогорлые кувшины с пахучим маргианским вином, разрезали на удобные куски тяжелые и звонкие золотые дыни – бахрман, набросали целые горы хорошо промытого в арыке винограда, персиков, сочного инжира. Кунжутная халва с орехами была заранее расколота, а густая белая мешалда, которую делают из свежих куриных яиц с козьим молоком и пчелиным медом, слегка подогрета и взбита. Жаркими, как солнце, кругами лежали на полотне только что из тамдыра белые лепешки из бронзовой хорасанской пшеницы.

А в стороне уже с утра ждали громадные глиняные миски с молодым мясом, перемешанным с зернами красного гурганского граната и сдобренным пахучей армянской травкой, сладким фарабским луком и жгучим, как уголь, чачским перцем. Тяжелыми камнями было придавлено мясо, – и прозрачный багряный сок поднимался до краев, заливая камни. И жаровни уже были готовы, и плоские медные котлы уже стояли на камнях, и сухой саксаул был аккуратно сложен под ними.

Было, как бывает на таких пирах: мужи с достоинством разговаривали друг с другом о государственных делах, витязи помоложе пересмеивались с луноликими на правой стороне. Все затихли, когда Мубад по присвоенному праву зажег священный огонь. Он недаром собрал больших и малых царей и всех их союзников. Раз в десять лет надо напоминать людям, у кого в руках ключи от рая. Ведь он был Мубад, а это значит на великом и древнем языке пехлеви не просто шаханшах, а уста самого Ормузда.

Кроме того, нужно было решать обычные дела. Систанцы снова угнали у забулистанцев две отары овец и убили пастуха. Большая драка случилась на базаре в Герате, где арийцы подрались с

гурцами и дело дошло до ножей. Непокойно в последний год и на горной дороге Махабада, что ведет в Арташат и страну Шаш. 1 Весной мидяне ограбили там исфаганского купца: забрали восемь верблюдов с черным китайским шелком и самую молодую жену. Пришлось посылать туда вазира Зарда с войском. Шелк мидяне вернули, а жена купца до сих пор у них. Зард говорит, что она сама не хочет вернуться...

Черное каменное масло, которое привозят амульские купцы из-за Каспиды, было подлито в жертвенник, и священный огонь вспыхнул, чуть не опалив крашенную хной бороду Мубада. Он слегка отстранился, обвел твердым взглядом царей и начал свою речь. Раньше всего он сказал о великом Ормузде, вселяющем в душу человека при рождении правду, доброту и рассудительность. Но не дремлет злой Ахриман и его дэвы: с ранних лет стремятся они отравить чистую человеческую натуру ядом обмана, ненависти, слепого упрямства. Дело самого человека – отстаивать Ормузда в собственной душе от проникшего туда Ахримана. Благословен и воистину счастлив тот, кто победил себя...

Потом Мубад напомнил о бессмертном Зардуште 2 – человеку из города Рей, который разъяснил людям смысл добра и зла. Как дикие волки и онагры шатались по земле люди до него. Это он запретил кровь и насилие, научил приручать зверей и сеять пшеницу. Скоро, очень скоро наступит время, когда клыкастый полосатый тигр сядет рядом с маленьким беззащитным козленком, и будут мирно есть они из одной миски...

Мубад говорил, закрыв глаза, но все видел из-за полуопущенных ресниц. Мужички слушали привычные слова, глядя перед собой, а какой-то старый царь из Кухистана явно спал. Он сидел ближе всех к шаханшаху, и осторожный храп его врывался в святые слова в самом неподходящем месте. Среди молодых витязей стоял легкий шум. Длинноногий и долговолосый по киммерийской моде Виру из Махабада, укрывшись за спинами, играл с Рамином, младшим братом шаханшаха. Рамин кошачьими движениями выбрасывал кости, невинно поглядывая по сторонам. Маленький паршивец здорово играл, обставляя зрелых мужей...

Женщины слушали со скучными лицами, и только махабадская

царица Шахру не сводила больших зеленых глаз с Мубада. Мидянка была в том возрасте, когда глаза женщины уже не искрятся и не лукавят. Мудрая, спокойная откровенность в них, и это волнует настоящего мужчину больше, чем исчезающая пена быстрых взглядов и аромат красных глупых щек.

Мубад покосился на князя Карана, которого неизвестно за что выбрала себе в мужа оставшаяся десять лет назад вдовой красавица Шахру. Простоватый великан-мидиец сидел, тупо уставившись перед собой. Все знали, что Шахру сохраняет ему верность...

Витязи давно уже ерзали, нетерпеливо поглядывая по сторонам, и даже испытанные мужи начали поворачиваться на своих подушках. Мубад понял, что наступила пора, когда святые слова начинают раздражать людей, и поднял руку.

– Великий учитель дал верное средство против происков Ахримана, – сказал он. – Когда начинает туманиться чистое сознание человека? Когда сгущаются черные силы зла в его душе? Когда кровь приливает к голове и руки тянутся к железу? Тогда это происходит, когда желудок человека пуст, когда кожа его шершава от холода, когда слепо жаждет он женщину. Лучший союзник зла – воздержание. Мысли голодного всегда неправильны. Вот почему, прежде чем решать государственные дела, мы должны подавить в себе подлого Ахримана!

В торжественной тишине взял шаханшах Мубад факел от священного огня и поднес его к сухому дереву под самым большим котлом. Вспыхнуло оно, и сразу зашумели, заговорили гости, придвигая к себе кувшины с вином.

Все котлы и жаровни обошел Мубад, зажигая под ними огонь. Веселые костры загорелись со всех сторон, разгоняя наступившую темноту. Мясо доставали из гранатового сока и жарили надетым на железные иглы. Пьянящий запах его быстро пропитал воздух, и все собаки Мерва сразу подобрели. Даже в рабадах З замолчали они.

Когда Мубад садился на большой царский ковер, он снова увидел глаза мидянки: влажные, восхищенные, близорукие от откровенной покорности. Мубад выпрямился, развел плечи. Безудержное, как в молодости, веселье подкатилось откуда-то снизу, заполнило

грудь, ударило в голову. Он вылил в себя царский рог крепкого и сладкого вина. А когда гости уже целовались друг с другом, Мубад встал, сделал ей знак глазами и пошел в сад. Мидянка опустила ресницы, а через минуту, скользнув спокойным взглядом по Карану, пошла между темнеющими деревьями. Каран, сведя густые брови, беседовал со старым кухистанским царем...

Они ничего не сказали друг другу, просто Мубад взял ее прохладную руку в свою, и они вместе пошли в темноту сада. У самой стены, где срослись карагачи, а из-за кустов инжира нельзя было ничего разглядеть даже пригнувшись, они остановились. Мубад потянул ее за плечи, сразу опустил руку ниже. И она не сопротивлялась. Наоборот, она помогла ему. Со спокойной предусмотрительностью постелила она на траву свою легкую накидку. Она действительно была царицей, Шахру!..

А потом... Потом они сразу вдруг услышали, что поют соловьи. Весь сад был наполнен соловьями. Пахло в саду тяжелыми осенними розами. И не могли перебить этот чудный запах сушеные дыни – бахрман, медовая шаптала, и даже прозрачный терпкий дым от мяса, пропитанного гранатовым соком. Розами пахло в ту ночь...

Не одни они были в саду. Трепетные тени жались уже ко всем деревьям, и волнующим шепотом полна была темнота. Ахриману здесь нечего было делать...

Сначала вернулась она, а потом он... Лишь негодяй Рамин смотрел на них, и веселое понимание было в его быстрых глазах. Мубад хлопнул его слегка по шее и жадно выпил еще один рог холодного вина. Кровь кипела, как много лет назад. Уверенность молодости вернула ему женщина. Радостная щедрость переполняла его. Мубад вдруг вскочил и, легко подтянувшись, гибкими, сильными движениями полез на дерево. Он снова был молодым и безрассудным. Мощно встряхнул он старое дерево, и море тяжелых золотых персиков обвалилось вниз, освобождая усталые ветви. Крупные спелые плоды разбивались о плечи, спины, лица, и благородным душистым соком брызгало вокруг. А Шахру сидела, высоко подняв голову, удовлетворенная обманом и гордая...

Это потом уже, через много лет, она говорила, что ничего такого не было. Просто шаханшах Мубад, восхищенный ее

необыкновенной красотой, умом и рассудительностью, предложил ей стать его женой. Он посадил ее на золотой трон и положил к ногам весь мир. Любое ее желание было для него законом. Он плакал и умолял ее, Мубад!

Но она, конечно, отказалась, объяснив, что ей уже не тринадцать. У нее созревшие сыновья, среди которых самый знаменитый – витязь Виру, мощью своей посрамивший слонов. Вот когда ей было тринадцать, тогда она действительно была красивой. Солнце тускнело при ее появлении, а луна стыдливо убегала за тучи. Прямее среброствольного тополя была она. Целый год потом пахло жасмином там, где утром проходила она. Все властелины мира были у ее ног, а лучшие витязи не знали сна. Войны начинались из-за одного ее взгляда. А теперь... теперь прошла весна, и красота ее померкла...

Тогда шаханшах принялся уверять ее, что она и теперь заткнет за пояс любую молодую. И он представить даже не может, какой она была в молодости, если сейчас от ее красоты у него меркнет разум. Счастлива мать, родившая такую дочь, и пусть будет счастлив род, имеющий такую пери!

И тут шаханшах взял с нее слово, что если родится когда-нибудь дочь у Шахру, то она отдаст эту дочь замуж за Мубада, чтобы он всегда видел в ее облике черты Шахру. Без этого он жить не может. И Шахру пришлось обещать ему, так как был он безутешен. К тому же не думала она, что в ее возрасте у нее еще родится дочь...

Мы знаем, как все было на самом деле, но так рассказывала потом Шахру. Ведь она была не только царицей, но и женщиной. Во всяком случае, ее слова, пересказанные многими доверчивыми людьми, дошли до наших дней. Все остальное – только подозрения...

Когда были удовлетворены все потребности гостей, быстро решились и государственные дела. Еще в самом начале пира арийцы перецеловались с гурцами и поклялись в вечной братской дружбе до конца своих дней. Систанцы твердо обещали взамен угнанных овец отдать забулистанцам табун лучших парфянских лошадей и возместить серебром за случайно подвернувшегося под нож глупого пастуха. Много и других важных вопросов было

решено. И только жену не удалось вернуть ограбленному купцу. Шахру, махабадская царица, встала на ее сторону. Плачущего купца решили обеспечить другой молодой и красивой женой за счет шаханшаха, и он тоже успокоился.

Были потом различные игры, скачки, царская охота, после чего гости, умиротворенные и усталые, разъехались на все четыре стороны света. Стоя на самой высокой башне, махал им рукой Мубад, пока не растаяли они в горячих песках. Но чаще махал он в сторону спокойного заката, куда уезжала великая мидянка Шахру. Не молодым глупцом и не старым дураком – счастливым и мудрым был он тогда, шаханшах Мубад!..

● РАССКАЗ О РОЖДЕНИИ ВИС

«Судьба, плутуя, шла путем превратным,
Нежданное смешав с невероятным».
Гургани, «Вис и Рамин».

Никто не предполагал этого, и прежде всего сама Шахру. Тем не менее, через несколько лет после знаменитого шахского пира, когда можно было уже смело сказать, что ей далеко не тринадцать, Шахру родила дочь...

Упомянув об этом, никто из написавших предание о Вис и Рамине не останавливается на подробностях. А писали многие. Достаточно назвать поучительного Тмогвели или не по чину любящего поэзию царя Арчила. 4 Солнечный Руставели не раз вспоминает о Вис и Рамине. И разве не повторяют их на далеких сырых берегах белокурые Тристан и Изольда! 5 Но мы останемся верными доброму, лукавому персу Гургани. 6 Он первый записал эту древнюю историю, которую пересказывали за тысячу лет до него. Простим ему, когда он путает названия стран и городов, обозначая их современными ему именами. Никто ведь не знает, когда жили Вис и Рамин, и правда ли все, что о них рассказывают. Не был он благородным диканом, 7 как великий Фирдоуси. А с базарной площади всегда виднее, что делается там, у царей. Он любит их, своих Вис и Рамина. Наше же дело: во всем следуя Гургани, уточнить некоторые подробности...

Нет, не называет Гургани царицу Шахру старухой, нежданно-

негаданно родившей дочь. Он лишь поражается тому, что засохший ствол вдруг снова оделся листвой. А когда, озарив, как Солнце ночь, появляется на свет Вис, он деликатно упоминает, что она как две капли воды была похожа на мать.

Так уж было принято тогда у царей, и Шахру сразу же отправила Вис на воспитание мамке-кормилице в Хузан. Известно, что в Хузане самые здоровые кормилицы, и никто лучше их не воспитывает девушек. Если прибавить к этому чистый сельский воздух, то можно понять Шахру.

Хоть и долго рассказывать, какой ослепительной выросла Вис, мы не можем пройти мимо этого... Прежде всего, она никогда не была одинаковой. Если с первого взгляда ее можно было сравнить с весенним цветником, в котором глаза – нарциссы, а тюльпаны – щеки, то через минуту Вис превращалась в созревший плодовый сад с готовыми лопнуть гранатами. Легче тростника был ее серебряный стан. Самая богатая царская казна померкла бы рядом с ее рубиновыми губами и дивным перламутром зубов, а губы при этом были сладкие как сахар. И щеки у Вис были не просто красные. Цвета молодого вина пополам с молоком были они. Горным хрусталем сверкали ее руки. А завершали все десять пальцев из слоновой кости, и ногти на них были не ногти, а горсти лесных орешков!..

Мы специально так подробно останавливаемся на перечислении всех достоинств Вис, чтобы одного намека в дальнейшем было достаточно. И тем не менее нам каждый раз придется дополнять эту картину, потому что красота Вис была бесконечной.

Соответственно и воспитывалась Вис. Кормилица в ней души не чаяла. Парча, атлас, соболь, горноста́й – вот что было одеждой Вис. Ела и пила она, как и подобает, только из золотой посуды. И при всем этом оставалась хорошей, пока... Дело в том, что здесь, здесь в Хузане, у другой мамки воспитывался подросток к тому времени Рамин, младший брат шаханшаха. Мубад отправил его сюда сразу после знаменитого царского пира. И они каждый день видели друг друга – Вис и Рамин.

И вот однажды, когда Рамин подсаживал Вис на дерево за гранатами, зеленая ветка обломилась, и Вис сползла по гладкому стволу прямо в руки Рамина. Он долго, очень долго не разжимал

рук, забыв про гранаты, которые росли на дереве. Незнакомо пахли волосы и белая кожа Вис. Ни одного облачка не было в синем небе Хузана...

Мамка откуда-то позвала Вис, и она пошла, медленно переставляя отяжелевшие почему-то ноги. А Рамин в тот же день уехал в Мерв. Шаханшах Мубад требовал его ко двору, где он должен был служить в войске, чтобы стать настоящим витязем.

С того дня и переменялась Вис. Что с ней произошло, лучше всего видно из сохранившегося письма мамки царице Шахру. Пользуясь своим положением, мамка прямо обвинила Шахру, что она плохая мать. Ей, мамке, не совладать уже с Вис. Девушка полна причуд, все не по ней. Желтое она не хочет надевать, потому что этот вульгарный цвет впору потаскухам, белое – старит, в синем обычно ходят вдовы и уродки, в двухцветном – базарные бабы. Все она сразу стала понимать. То ей нужно не меньше восьмидесяти знатных девушек для услуг, то гонит всех и плачет. Сад созрел и нуждается в садовнике...

Шахру обрадовалась этому письму и немедленно вызвала дочь к себе. Увидев Вис, она тут же решила выдать ее замуж за своего сына Виру. Такие уж нравы были у зороастрийцев, и ничего тут не поделаешь...

Как само Солнце был красив и отважен Виру. А греки, считающие Венеру богиней красоты, не видели Вис. Лишь росписи художников Китая могли соперничать с ней в яркости. Понятно, почему Шахру на старости лет захотела оставить в своей семье эти два сокровища. Мудрые астрологи поняли это, и вращенье светил совпало с замыслами царицы. Месяц Азармах, на который указали светила, обозначал начало весны и счастливую жизнь без войн и болезней. Когда наступило нужное число и прошло ровно шесть часов от начала темноты, Шахру соединила руки Вис и Виру. Этого было достаточно. Когда женится брат на сестре, не нужны жрец, печать и свидетели. Благословение Луны и Солнца тогда на них...

В тот ранний час, когда Луна бледнеет при виде Солнца, в махабадском дворце все было готово для свадебного пира. Были расстелены ковры во дворе, приготовлены котлы и жаровни, приглашены музыканты. Ночь уползала, укрываясь в горных

ущельях. Светлый радостный день вставал над страной Мах. Как вдруг тень минувшей ночи наплыла со стороны реки. В черную тучу превратилась тень, гром срывающихся в пропасти камней стремительно приближался к Махабаду. И все увидели, что это не туча, а витязь на вороном коне скачет в горах, вздымая черный прах из-под копыт. Как черная гора был всадник, и плащ, сапоги, пояс, головная повязка были на нем тоже черные. Въехав на царский двор, он соскочил с коня, отбросил с лица накидку, и все узнали Зарда...

● ПРЕВРАЩЕНИЕ МУБАДА

«Как только Зард привез такой ответ,
Лег на лицо Мубада желтый цвет»⁹.
Гургани, «Вис и Рамин».

Да, это был могучий Зард – брат, вазир и военачальник шаханшаха. Глаза его были рубиновые от дорожной пыли, и гневные морщины бороздили темное лицо. Ни слова не говоря, он приблизился к Шахру и вручил ей свиток с большой государственной печатью. Царица, как принято, приложила письмо шаханшаха ко лбу, поцеловала печать и вскрыла его. А когда она прочла письмо, вид бедной Шахру стал как у ишака, завязшего в дорожной грязи перед самым въездом в Махабад...

Мы упоминали, что весь разговор Шахру с Мубадом на знаменитом шахском пиру много лет назад записан со слов самой Шахру. Но дыма без огня не бывает. Возможно, и пошутил тогда Мубад насчет будущей дочери Шахру, да и она шутя согласилась. Так или иначе, но в письме сейчас шаханшах самым серьезным образом требовал в жены Вис.

«Главное в жизни – это правда, – писал шаханшах Мубад. – И бог всегда видит ее. Поэтому ты должна быть справедлива и выполнить свое обещание. Дороже всех жемчужин мне твоя дочь, и я хочу видеть ее в Мерве... Я-то не тороплюсь, но что ей делать в Махабаде? Ты же сама знаешь, какие там у вас в горах мужчины. Ни стыда, ни совести! Все развратники – старики и молодые. Ни одну женщину не пропустят!.. А женщины по природе своей мягкосердечны: первый встречный нашепчет ласковое слово,

и сразу пускают в постель. Все они такие, даже самые умные и достойные. На первый взгляд и не подходи, только и разговору – о любимом муже и своей честности. А попробуй сказать, что Луна и Солнце меркнут перед ее красотой – и готово!.. А не готово, то нужно заплакать и сказать, что днем и ночью умираешь от любви. И только одна она может спасти тебя от смерти, дав ухватиться за свой подол. Самая непорочная не устоит перед такой отравой! И когда подумаю только, что какой-нибудь мерзавец... Нет, я знаю, что Вис хорошо воспитана и чужда порока, но все же лучше будет избавить ее от искушений. Дело уже сделано. Большие деньги розданы нищим в честь будущей свадьбы. Вис будет хорошо со мной, а тебе я дам столько золота, сколько пожелаешь. Что касается Виру, то ему я воздам почет, как сыну. Мой дом – его дом. Пусть берет из него любую жену!..»

Почти слово в слово пересказано здесь письмо Мубада к Шахру... Да, много лет прошло с того знаменитого пира. Совсем старый стал Мубад, а ничего на свете нет хуже старых шаханшахов. Они уже не могут с аппетитом есть, хорошо спать, громко смеяться... многого не могут они. И Ахриман прочно поселяется в их душах, вытесняя последние остатки Ормузда...

Шахру, прочтя письмо, так и не смогла вымолвить ни слова. Зато весь Махабад загудел от негодования. Все вокруг кричали, размахивали руками друг перед другом и подпрыгивали в ярости, хватаясь за кинжалы. Но Зард и бровью не шевелил. Он знал махабадцев...

Тогда подошла к нему сама Вис, царская дочь. Она обошла удивленного Зарда, осмотрела его со всех сторон.

– Ты, я вижу, умный человек, – сказала Вис. – Все у вас в Мерве такие, да?

– Я – Зард, вождь и советник шаха, не ведающий боязни, – ответил он гордо. – И конь мой – вороной!

– Ай, молодец! – похвалила его Вис. – А не можешь ты мне сказать, что любезней молодой красивой девушке: упругий стройный кипарис или бесплодный дряхлый ствол?

Зард только хлопал глазами.

– Так садись на своего вороного коня, поезжай в свой Мерв и

спроси это у того старого дурака, который тебя послал... Только пусть, как стрела из лука, да! А то приедет с охоты мой дорогой муж Виру, и у нас двойной праздник будет: свадьба и похороны одного невежды!

Зарду ничего не оставалось делать. Снова загрохотали камни в горах, поднялась пыль, и когда она постепенно рассеялась, шаханшахский посол был уже далеко за пределами страны Мах. А толпа царских гостей и родственников (в Махабаде все – родственники) уже рассаживалась по коврам, громко восхваляя необыкновенный ум и рассудительность Вис...

Нет, не желтым стало лицо шаханшаха Мубада, когда выслушал он своего брата и посла Зарда. Оно стало зеленым. Сначала закипел он, как струя неперебродившего вина в тазу, а потом зашипел, как парфянская кобра. И сразу слева и справа послышался скрип. Это скрежетали зубами от гнева шахские придворные...

Давно прошло время мудрых примирительных пиров в шахском саду, когда окружали Мубада веселые незлопамятные люди. Теперь он ел наедине, подозрительно прихихиваясь к пище. Вина и мяса Мубад и не видел. Один отварной рис без соли позволяли ему врачи. Спал он тоже плохо, а об остальном и говорить не приходится. Где уж тут было ждать от него доброты и государственного благоразумия!

Зато он нашел в другом удовлетворение и тут уже не знал воздержания. Слишком много злобы накопилось в нем от отварного риса. На золотом троне теперь сидел Мубад, и чтобы зайти к нему, нужно было ползти на животе от самых ворот дворца. Одежду он тоже носил только золотую, и все окружающие были в золоте. А когда очень уж противным становился ему отварной рис без соли, он приказывал отрубить голову какому-нибудь врачу, и голый рис казался ему тогда душистым пловом...

Между тем скрежет вокруг шахского трона усиливался. И Мубад дал знак говорить.

– Шахру осмелилась нарушить слово, жену владыки выдать за другого! – начали слева.

– Звезду, что светит шахскому двору, – твою жену как мог отнять Виру! – подхватили справа.

– Не только брату не дадим сестру, но отберем и царство у

Шахру! – угрожающе подсказали слева.

– На землю Мах, всесилен и жесток, из тучи грянет гибели поток! – перебили справа.

– Едва в ту землю вступит наша рать, начнем страну громить и разорять! – дрожа от преданности шаханшаху, взвизгнули слева.

– Повсюду будет литься кровь расплаты, все люди будут ужасом объаты! – рычали справа.

Так началась эта война. Мубад, может быть, и собрал бы остатки своего благоразумия, но шаханшахов всегда окружают люди, стремящиеся доказать, что болеют за его дела больше самого шаханшаха. И поди разберись, кого теперь винить за это – шаханшаха или его окружение...

● ВОЙНА

«Мир заболел куриной слепотой,
Источник солнца был в пыли густой...
Велел, чтоб вышли с войском боевым
Табаристан, Гурхан и Кухистан,
Хорезм, и Хорасан, и Дехистан,
Синд, Хиндустан, Китай, Тибет, Туран,
И Согд, и земли сопредельных стран».
Гургани. «Вис и Рамин».

До нас не дошло, таким образом, войска каких еще сопредельных государств участвовали в походе шаханшаха Мубада на Махабад. Не сохранилось и подробностей похода: могли ли солдаты менять пропотевшее белье во время марша через пустыню, завелись ли у них нехорошие насекомые, и многое другое. Авторы того времени не акцентировали внимания читателя на трудностях войны. Известно только, что Мубад не застал врасплох махабадцев. Узнав о его замыслах, Виру выставил объединенные силы Истарха, Хузистана, Исфагана, Азербайгана, Рея и Гиляна.

Как две горных цепи встали войска друг против друга на отведенной для войны равнине. Удивление вызывало, как может земля вынести на себе столько людей и железа! В должном тактическом порядке построили свои армии Мубад и Виру: середина каждой была как булатный кинжал, а крылья напоминали

рычащих львов.

И только первый луч Солнца ослепил темную землю, мир вздрогнул и отпрянул в ужасе. Это взревели боевые трубы! Все, что было живого на земле, попадало от их рева. Сама Природа пустилась бежать из этих мест. А трубам уже вторили грозные барабаны, вопили изумленные горны, плакали литавры, и жалобно стонал сантур. 8 Но все было ничего, пока с обеих сторон не приказано было поднять над войсками овеянные славой знамена со львами, орлами, симургами, павлинами и другими благородными животными. И тогда закричали в ярости воины, затрубили боевые слоны, зарыкали львы, заревели верблюды, заржали лошади и мулы. А опытные полководцы все еще не давали знака к битве. Они ждали, пока достаточно покраснеют глаза у солдат. По их приказу шум был усилен. И только когда глаза героев засверкали, как дорогие рубины на перстнях красавиц, Мубад и Виру махнули платками. Вздрогнула и пошатнулась земля, а пыль поднялась до самой Луны.

И ничего нельзя было уже разобрать в этой пыли. Она плотно забила рты, глаза и уши воинов. Но это не мешало им. Они выпускали стрелы, тыкали копьями, рубили саблями и делали многое другое. Первыми они убивали родных и соседей, которые стояли рядом, впереди или сзади. А потом уже бегали в пыли, находя друг друга по голосу. Точно страсть входило в грудь копье. Как портные иглой, трудились люди, прошивая им друг друга. Меч спешил добраться до мозгов быстрее мысли. И металась между людьми, не зная, куда убежать, трусливые львы и слоны.

Это была настоящая война! Жаль только, что из-за пыли не удалось увидеть всех совершенных в этот день благородных подвигов...

Но вот все постепенно стало затихать, пыль медленно опустилась, и полководцы увидели, что день был хороший. Ни одного лентяя не оказалось в их войсках. Земля на равнине была, как виноград в давяльне. Уцелевшие воины, затыкая пальцами раны, собрались возле своих полководцев, и армии двинулись каждая в свою сторону.

Когда все хорошо отдохнули и отпраздновали победу, Мубад и

Виру снова повели своих витязей на войну. Но перед решающим сражением шаханшах Мубад узнал радостную новость. Хоть и женился Виру на Вис, но мужем так и не успел стать. Справедливая Луна помешала их замыслам, а жена зороастрийца, как известно, должна в этот период удалиться от супруга на целую неделю. Выяснив, что ничего не потеряно, шаханшах Мубад решил в таком деле посоветоваться со своими братьями Зардом и Рамином.

Может быть, и оставалось в памяти Рамина воспоминание о синем небе Хузана, откуда как-то сползла по гранатовому стволу прямо в руки ему теплая большеглазая девочка с недетской грудью. Или вспомнил, как уходила она тогда от него на зов кормилицы?..

– Кто знает, что такое любовь! – задумчиво сказал он. – Ее нельзя завоевать или купить, как человека. При этом вспомни свои годы, шах и брат. Осень и весна – каждая имеет свои цветы. Ледяной коркой станешь ты для нее, и как первая весенняя трава будет рваться она к теплу из-под тебя. Бесплезным будет твой запоздалый плач, потому что нет лекарства от таких болезней...

– Ай, какая там любовь! – махнул рукой Зард. – Где видел ее? Какого она цвета?. Не об этом речь. Совет мой настоящий, не ребячий. С одной стороны – пригрози гневом и окружи Махабад войсками, с другой – пошли Шахру хорошие подарки. Страх и золото – между ними качается мир!

Шаханшахи иногда принимают советы. И в этот же день неисчислимые войска мервского владыки со всех сторон окружили славный Махабад. К главным воротам города подошел караван, начало которого уже входило в Махабад, а конец еще не вышел из Мерва. Сто верблюдов с пышными шатрами, пятьсот верблюдов с жемчугом, пятьсот верблюдов с алмазами и рубинами, кроме того – еще двадцать тюков румийского жемчуга, отдельно сто ларцов с жемчугом, триста золотых венцов, семьсот хрустальных и золотых чаш, сто боевых коней, сто вьючных мулов и триста таких томных и красивых девушек, что казалось, жемчуг катится из их уст, – вот лишь немного из того, что посылал в подарок царице Шахру шаханшах Мубад. Вместе со всем этим добром он тайно передал ей и одно маленькое письмо...

И Шахру... Шахру не выдержала, увидев все это богатство. Она ведь не была уже той Шахру. Она тоже все забыла!.. Голова закружилась у нее от жемчуга. Ничего больше не могла она уже любить. А уговорить себя, что ей очень жалко тех молодых витязей, которые должны пасть завтра в битве, ей было нетрудно. Шахру велела позвать дочь и села писать тайный ответ шаханшаху...

Когда Виру узнал, что похищена его любимая жена Вис, у него из клеток мозга улетели все мысли. Скоро он пришел в себя, но было уже поздно. Шаханшах Мубад вместе со всем своим войском что есть духу скакал к Мерву, унося драгоценный рубин из чужого ларца...

● РАМИН ВЛЮБЛЯЕТСЯ В ВИС

Шумит в его душе любви базар!..

Гургани, «Вис и Рамин»

Случилось это по дороге в Мерв. Рамин скакал рядом с верблюдом, на котором в з...

(Продолжение) » [Taryhu proza](#)